

УДК 82-311.2

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-1-101-109

ПОРТРЕТ БЛУЖДАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В РОМАНЕ ЕЛЕНА ПОСВЯТОВСКОЙ «ВАЖЕНКА»

Крылова С. В.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Через анализ острых сюжетных перипетий из романа о жизни молодёжи 1980-х гг. выявить черты психологического портрета позднесоветского поколения, в котором в рамках этого произведения проявились качества духовной и ценностной неустойчивости.

Процедура и методы. За основу взят структурно-семантический анализ произведения с акцентом на сюжетных звеньях, отражающих психологию и ценностные ориентиры героев. Сюжетная логика определяет своеобразие авторской позиции.

Результаты. На примере жизни юной провинциалки в Ленинграде предперестроечной поры Елена Посвятовская раскрыла тотальную неукоренённость, зыбкость этических и духовных ценностей поколения 1980-х гг. На наших глазах неглупая и незаурядная героиня Ира Важина превращается в нравственного монстра, о существовании которого в себе она и не подозревала. Однако и её окружение (примитивно-плотское в начале и интеллигентное в конце произведения) принципиально ничего не может противопоставить Ириной стратегии выживания. Оно само духовно не защищено, не знает истины и потому рядом с энергичной Важенкой выступает в качестве жертвы. Сопоставляя исследования учёных о людях эпохи застоя и текст романа, автор статьи приходит к выводу, что Е. Посвятовская нарисовала в нём портрет блуждающего поколения. Тем не менее происходящая в первой четверти XXI в. саморефлексия поколения брежневской поры говорит о том, что в нём пусть и не сразу, но проявились здоровые начала национального духовного кода.

Теоретическая и/или практическая значимость. Практическая значимость связана с интересом к творчеству малоисследованного автора, который с помощью сюжетной логики стремится направить читателя в сторону поиска подлинных смыслов и незыблемых христианских ценностей.

Ключевые слова: блуждание души, национальный духовный код, поколение 1980-х гг., субстанциональные сюжетные ситуации, ценностный вакуум

PORTRAIT OF THE WANDERING GENERATION IN THE NOVEL BY ELENA POSVYATOVSKAYA “VAZHENKA”

S. Krylova*Federal State University of Education**ul. Radio 10A bld 2, Moscow 105005, Russian Federation***Abstract**

Aim. Through the analysis of the acute plot twists from the novel about the life of youth in the 1980s, to identify the features of the psychological portrait of the late Soviet generation, in which, within the framework of this work, qualities of spiritual and value instability were manifested.

Methodology. The basis is a structural and semantic analysis of the work with an emphasis on the plot links reflecting the psychology and value orientations of the characters. The plot logic determines the originality of the author's position, 1980s generation

Results. Using the example of the life of a young provincial girl in Leningrad during the pre-perestroika era, Elena Posvyatovskaya revealed the total rootlessness and instability of the ethical and spiritual values of the generation of the 1980s. Before our eyes, the smart and outstanding heroine Ira Vazhina turns into a moral monster, the existence of which she did not even suspect in herself. However, her environment (primitive and carnal at the beginning and intelligent at the end of the work) cannot fundamentally oppose anything to Irina's survival strategy. It itself is spiritually unprotected, does not know the truth and therefore acts as a victim next to the energetic Vazhenka. Comparing the research of scientists about people of the era of stagnation and the text of the novel, the author of the article concludes that E. Posvyatovskaya painted a portrait of a wandering generation in it. Nevertheless, the self-reflection of the Brezhnev-era generation that took place in the first quarter of the 21st century suggests that healthy principles of the national spiritual code appeared in it, albeit not immediately.

Research implications. Practical significance is associated with interest in the work of a little-studied author who, with the help of plot logic, seeks to direct the reader towards the search for genuine meanings and unshakable Christian values.

Keywords: wandering of the soul, value vacuum, substantial plot situations, national spiritual code.

Введение

Свой единственный на сегодняшний день роман «Важенка» (2020) петербургская писательница Елена Посвятовская считает авантюрно-психологическим. И действительно, перед нами острый сюжет на тему студенческой юности 1980-х гг., в центре которого выведена юная провинциалка из неполной семьи, приехавшая искать иной жизни в Ленинград. С Ирой Важиной читатель проживёт три нестабильных года и оставит её в момент будто бы добытого счастья.

Ситуация конца эпохи всегда обостряет противоречия, выпускает наружу прежде скрывавшихся демонов. В 1980-е гг. изломанная сомнением и тягой к нравственным экспериментам личность готовилась к перемене участи. Никто не знал, что это будут Перестройка и лихие девяностые.

Так как роман написан зрелым талантливым человеком, в нём нет ощущения заданности, идейной ангажированности характеров и обстоятельств. Кроме того, Посвятовская принадлежит к позднесостоятельному поколению, которое современные учёные характеризуют как «духовно активное», «рефлексирующее», «внутренне дифференцированное», склонное считать себя очень образованным, но неостребованным, хотя и с «выраженным социальным самосознанием», приспособившимся к среде: «Познание и поиск значимых цен-

ностей здесь – подготовка к деятельности, которая в реальности так и не состоялась» [9, с. 96–99]. В случае самой Посвятовской это не так. Её вхождение в литературу произошло после того, как она реализовала себя профессионально в абсолютно не книжной сфере. А вот героини её «Важенки» находятся в состоянии выбора пути.

В романе перед нами разворачивается действительно познание, анализ жизни через художественное слово, ретроспективный взгляд на молодость позднесоветской поры. Определяющим здесь становится выбор грешной героини как представителя поколения. По преимуществу её глазами мы смотрим на мир и обстоятельства. Учёные часто говорят о специфическом восприятии женского начала в русской культуре, о «генекратическом мифе»¹, который занимает «особое место в национальной мифологии» [5, с. 109]. Через историю юной неразборчивой девушки Посвятовская говорит о важных вопросах. Защищая женскую прозу от обвинений в «мелкотемье», их спектр перечисляет профессор Э. Я. Фесенко: «сложные взаимоотношения между разными поколениями, воспитание отношения растущего человека к родине, а зрелой личности – к правде

¹ Генекратический миф – «миф об исключительной силе, воле, авторитете, которыми обладает женщина и которые позволяют ей стать в центр нравственной жизни общества» [5, с. 109].

и лжи, к экзистенциальной проблеме счастья, судьбы» [10, с. 106].

С другой стороны, томский исследователь Т. Л. Рыбальченко видит в современной словесности черты неомифологизации, выраженной, по мнению учёного, «в изображении мироощущения персонажей, на уровне авторского сознания ценностью определяемых не столько в столкновении идей бытия, сколько ... в логике субстанциональных сюжетных ситуаций» [8, с. 25]. Анализируя роман, важно понять, как поступки героев оценивают они сами и как через композицию и логику сюжетных ситуаций развивается авторская, а затем читательская оценка.

Логика сюжетных ситуаций

Ира Важина, девушка из Ангарска, несмотря на то что не красавица и не умница, всё-таки человек во многих отношениях незаурядный. Она наблюдательна, трезво относится к своим достоинствам и недостаткам, стремится быть естественной, умеет черпать опыт из своей и чужой жизни.

Точка отталкивания для неё – родной дом с вечно ссорящимися мамой, проводницей дальних поездов, и необразованной бабушкой; точка притяжения – некий смутный образ земного счастья в культурной столице СССР, мечта о силе и зрелости, когда настанет пора не выживать, а жить. Как это будет достигнуто, она пока не знает, добиваться чего-то упорным трудом не стремится.

Важенка не смогла сразу поступить в институт и потому год проработала в пригороде Ленинграда в качестве не слишком прилежной горничной. Девушки, которые живут с ней на служебной квартире, погружены в «добросовестный ребяческий разврат»¹. Женатые нетрезвые чужие любовники, плотские утехи соседок не вызывают у Важенки ни интереса, ни особой брезгливости. Этот образ жизни затем переключает и в студенческое общежитие.

Вопрос о любви или выгоде в подобных отношениях звучит смехотворно: у совокупляющихся за тонкой стенкой пар и любви особой не наблюдается, и плоть не слишком ликует, и выгода сомнительна (еда и выпивка на вечер). И тем не менее восемнадцатилетняя Ира в ответ на увещевания подруги перекачаться «ещё годик» в Сосновой горке гневно выдохнула: «Там быдло, Наташа! Там дешёвое было! Мы сами скоро станем такими же, если оттуда не уйдём»².

Путь из провинции в столицу для Важенки и её нестоличных ровесников лежит через учёбу в любом вузе. Любом, потому что в мечтах о другой жизни высшее образование – одна из ступенек к устойчивости. Важенка за счёт обаяния, интуиции и везения смогла-таки поступить в политех, но интерес к учёбе быстро потеряла: пропускала занятия, развлекалась в общежитии – алкоголь и случайный секс, закончившийся первым абортom. Посвятовская выводит поколение застойной молодёжи, для которой девственность ещё не является пороком (как это было навязано подросткам в 1990-е), но уже и перестала быть ценностью. Бездумное, чаще всего постыдное расставание с невинностью упомянуто в романе не раз и не два.

Для девушек 1980-х тело и целомудрие потеряли свою сакральность. Это касается как приехавших за лучшей долей провинциалок, так и девушек из хороших семей типа Лили, которые в подростковом возрасте уже начинают готовить себя к грехопадениям юности – первые эротические игры, фанты, застенчивое, но последовательное стремление уйти от типажа как тургеневской девушки, так и растиражированного в годы оттепели образа спортсменки, комсомолки, активистки. Как пишет вслед за русско-американским антропологом А. Юрчаком [12] Н. В. Барковская, «последнее советское поколение отстранялось от официальной идеологии, уходило на позиции “внеаходимости”» [1, с. 139].

¹ Лермонтов М. Ю. Дума // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 114.

² Посвятовская Е. Н. Важенка. Роман. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной. 2023. С. 60.

Ещё живы партия и комсомол, но ни о каком их влиянии на души и образ жизни молодёжи речи не идёт. В стороне остаются даже карьерные соображения. Так, осиротевший после гибели родителей потомок питерской интеллигенции Митя мечтает переехать к тётке в Австралию и боится, что из-за проволочек с визой и статуса беженца его «сразу попрут из комсомола, с работы выгонят»¹. Комсомол всего лишь один из механизмов отношения с государством.

Каковы ценности молодёжи? В элитной компании, куда волей случая попала Важенка, это пока культура, книги, западная или русская неформальная музыка («Битлз», Гребенщиков, Цой), разностороннее воспитание детей по русской интеллигентской традиции и по уже модному доктору Споку, стильная одежда, ориентация на свободу, отъезд из СССР. В этой компании ценят непредвзятый ум (чем смогла воспользоваться Важенка, вовремя сымитировав процесс размышления над прозой Чехова, подслушанный ею у эрудированной студентки ещё в общезжитии), деликатность (когда нацелившаяся на борьбу за Митю Важенка прерывает интимную сцену душевной близости двух расстающихся влюблённых, «все посмотрели на неё с осуждением»²), дружбу, доверие, взаимопомощь, искренность – то, чего нет в Важенке, что она и не стремится в себе взрастить, но умеет вовремя сыграть. В компании Мити царит культ общения, о котором пишут современные учёные как о творческом принципиально неполитизированном дискурсе советской интеллектуальной элиты [4, с. 13].

Ира Важина, на тот момент уже беременная от женатого мужчины содержанка, изо всех сил пытается стать в этой компании своей. Ценностный вакуум проступает в ней отчётливее всего. Она привычно лжёт в любой ситуации, не желает трудом или покаянием исправлять собственные ошибки и промахи. Она обманывает маму, что

учится в вузе, хотя отчислена из-за недобросовестного отношения к учёбе; соглашается стать второй любовницей женатого и неприятного ей Аркадия и не пробует ни работать, ни учиться. Она любит свою красавицу-подругу Тату, но беззастенчиво вступает в разнуданный секс с её женатым любовником Краевым, запершись от плачущей униженной Таты, которую приехала якобы спасти и жалеть.

Она сумела понравиться коренному ленинградцу Мите, из жизни которого Важенка последовательно вытесняет его любимую Лилю. Она лжёт Мите, что ребёнок зачат от него, и в финале выталкивает беременную Лилю из поезда. На наших глазах из неразборчивой, но интересной провинциалки она превращается в монстра.

Важно, что порядочная, сострадательная, доверчивая Лиля вроде бы и не противопоставляется Важенке. Она из другого мира и другого теста. Их стартовые позиции заведомо неравны: скрипачка из столичной семьи с прочными культурными корнями и случайная дочь проводницы из провинции. И тем не менее ни культура, ни воспитание не защищают Лилю от ошибок. Лиля с Митей и их интеллектуальное окружение – это тоже в своём роде блуждание душ. Искусственное расставание с любимым из-за своего мнимого бесплодия – благородный жест, который сделал несчастным и без того пережившего трагедию (смерть родителей в авиакатастрофе) Митю и толкнул его к случайной девушке.

Русский и советский культурный код всё-таки предполагал ориентацию на высокие цели. По-своему его интерпретирует попутчик Мити и Важенки по купе Даниил Сергеевич: «Что надо куда-то стремиться, лететь, разоблачать, поступки совершать. Такая романтическая чушь со школы за вами. Так вас там научили, так запомнили вы из умных книг»³. Этому старик противопоставляет свои поздние открытия: «А вот я к концу жизни додумался, что нет. Особенную отвагу надо иметь, чтобы просто и спокойно жить как все. Без кривля-

¹ Посвятовская Е. Н. Важенка. Роман. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной. 2023. С. 269.

² Там же. С. 267.

³ Там же. С. 341.

ня, не театральничать, не менять личины. Не сойти с ума, не сожрать себя за то, что не стал, кем мнилось. Просто жить, если угодно, навстречу своей смерти»¹.

В первом издании романа Посвятовской у основного названия был ещё подзаголовок – история самозванки. Думается, писатель сознательно отказалась от дополнительных подсказок. В мечтающей о другой жизни Ире Важиной заложено много положительных черт, которые можно было бы с пользой применить для служения людям и большим идеям. Это её интуиция, жадное считывание у людей вокруг неё опыта, манер, искусства общения, твёрдость характера, остроумие, находчивость. Но есть в её личности какое-то гнилое основание, заставляющее последовательно выбирать во всех ситуациях только службу собственному я. Она умеет не кривляться, но в ней нет любви к истине, правде, даже на житейском уровне.

В том, что её самозванство кончится духовной катастрофой, сомневаться не приходится. Посвятовская в своих интервью неоднократно признавалась, что современная Россия даёт юному человеку гораздо больше свободы для разбега и старта. Но и в позднесоветском СССР всегда был выбор между Авелем и Каином. Привычка к лицемерию и эгоизм как главная жизненная программа в итоге привела Иру к убийству беременной соперницы. Убийство так и не было раскрыто, но слова старика из купе о судьбе вечно мающегося «скитальца и изгнанника» Каина – слова, от которых засыпающая Важенка прикрыла ухо подушкой, – это авторский приговор героине: «чтобы поняли все, что нет, не бывает жизни после смерти. Жизни для того, кто убил...»²

Слова эти стоят в конце девятой главы романа («Новая жизнь») и при первом чтении не сразу могут вспомниться в финале. Но это не отменяет «глубинной, художественно-целесообразной связи между эпизодами» [11, с. 267], отражающими ав-

торскую позицию, несмотря на некоторую «непрозрачность» сюжетостроения» [11, с. 267] Посвятовской, которая является одним из приёмов активизации читательского сознания. Интересно, что, анализируя замятинский рассказ «Наводнение» со сходным сюжетом об убийстве соперницы, Т. Н. Чурылева говорит об «одной из авторских целей» сюжетной непрозрачности – «не отрицая причинности как таковой, допустить вероятностный характер функционирования связей между событиями и ситуациями» [11, с. 268].

Блуждание души

В романе о позднесоветской молодёжи ощутим христианский подтекст, идущий не от центральных героев, а от авторского миропонимания. Важенка подслушивает в том же купе жалобы деревенской женщины на свою образованную, но ленивую и лживую невестку, в любовь которой к своему сыну она не верит. Как часто бывает с обиженными людьми, несчастная свекровь тут же переносит качества невестки на всё поколение: «Гоистка она, наглая такая. Для себя живеть. Бога не боятся, вот что. Бог всё видеть, а они его не знают, молодые-то. Выросли так, без страха, без совести»³.

Но у интеллигенции совесть осталась! Это важная мировоззренческая составляющая порядочного человека. Они реагируют на чужие беды, их связывает подлинная дружба, они почтительны к старшим, родным и их окружению, внимательны к прошлому и традициям своих семей. Важенка с детства поняла, что есть другой мир с «внутренним светом» и «манерой спокойного доброжелательства»⁴ при общении с равными и неравными. Милая студентка из стройотряда ещё в родном Ангарске поразила её уважительным и естественным обращением к ним, детям. Ира тянулась к соседям по квартире Секацким именно из-за их интеллигентности. Она ценит благородство отношений и умеет видеть его даже в случайных людях, жестах, взглядах.

¹ Посвятовская Е. Н. Важенка. Роман. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной. 2023. С. 341.

² Там же. С. 344.

³ Там же. С. 349.

⁴ Там же. С. 167.

Так, её буквально «затошнило от ревности к ... чужой недостижимой истории»¹, когда она увидела молчаливое прощание двух влюблённых на вокзале, настолько подлинным и нетеатральным оно было. Она остро ощущает свою «непринадлежность этому другому миру»² непоказной культуры отношений и помыслов. Испытывая внутренне притяжение к таким людям, умело им подражая, она всё же остаётся только удачливой охотницей за счастьем, у которой отсутствие благородства проступает сразу, как только отпадает необходимость в притворстве.

Попав в Митину компанию, она все силы приложила к тому, чтобы выглядеть интеллигентной и милой, целенаправленно завоёвывала сердце, ум и тело этого блистательного юноши, готова была к длительной осаде в борьбе с Лилей, но не знала, что есть ещё и другие измерения – веры и судьбы.

И оказывается, что в этом вопросе подлинными ленинградские интеллигенты, самозванка Важенка, расчётливый развратник Аркадий, простодушная полублудница Тага, да и все остальные герои романа оказываются абсолютно одинаковыми. Неявный христианский аспект проступает здесь в виде блуждания героев вокруг Смольного собора. В неимоверно красивом здании тогда был музей, но своей красотой он постоянно окликает Важенку. Рядом то с Казанским, то со Смольным соборами она общалась с обаятельной глупышкой Татой, недалеко от Смольного она встретила и пленилась Митей. Для Посвятовской, несомненно, это объекты «сакральной географии» города (см. об этом понятии [2, 12]). Смольный собор можно назвать символом какой-то высшей правоты, которая никак не открывается ни одному из героев.

Трагическая смерть родителей Мити, как и надуманное бесплодие Лили, не привели эту чудесную пару к поиску высших смыслов. Каждый из них пытается выстро-

ить жизнь по своему разумению, столь же слепо, интуитивно, как и Важенка с её охотничьим инстинктом. Лишь в момент открывшейся вдруг беременности Лиля думает: «А как ещё им было дать понять, что созданы друг для друга, что глупцы, что нет для них прощаний»³. Но кто создал их друг для друга, она додумать не успела. Она ужепустила в их жизнь постороннюю агрессивную силу, которую не остановило ничто. Именно интеллигентные Лиля и Митя становятся очередными жертвами целеустремлённой Важенки.

И хотя мы понимаем, что её мечты о счастье обречены, в финале происходит мнимое торжество лжи: подозрения в убийстве с Иры сняты, Митя вновь доверяет ей и хочет увезти в Австралию в надежде растить их «общего» ребёнка.

Интересно, что в сугубо лингвистическом исследовании 2022 г. предикативная сочетаемость номинации «провинциалка» по-прежнему, как и в советские годы, выявляет большое количество отрицательных коннотаций этого слова среди носителей языка: «приехавшая из небольшого города женщина стремится выйти замуж за богатого человека, забеременеть, приобрести таким образом материальные блага и укрепить своё финансовое положение, получить некий статус “успешности”» [3, с. 2858].

Первые интерпретации романа

Роман «Важенка» лишён подсказок и назидательности, и потому свежие читательские трактовки (как профессиональные, так и любительские) выявляют, насколько разным может быть его восприятие. Например, взыскательный рецензент серьёзного журнала «Звезда» Д. Корочкина отказывает роману Посвятовской в праве принадлежать к «высокой» литературе, несмотря на то что он «претендует на осмысление эпохи». По её мнению, автор поверхностно очертила исторический контекст, не смогла преодолеть фрагментарности стиля и композиции, но главное –

¹ Посвятовская Е. Н. Важенка. Роман. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной. 2023. С. 166.

² Там же. С. 167.

³ Там же. С. 398.

Посвятовская «за красивой прорисовкой сюжетных элементов потеряла нужную здесь рефлексию, а вместе с ней – психологию и философию» [6, с. 281].

Мы попытались показать, что это не так. В романе нет готовых оценок, но через его осмысление читатель сможет сделать много открытий в собственном понимании мира и позднесоветского молодого человека, его сюжетные коллизии вполне могут стать для кого-то «инструментом самопознания и – познания окружающей его реальности» [7, с. 78].

Или ещё один отзыв некой современной «важенки», полностью оправдавшей героиню как в её сексуальных контактах, так и в её борьбе за любимого. Читательница тоже видит противопоставление в романе мира культуры и мира охотниц за удачей и принимает чёрные правила игры героини: «А ты девочка-дворянка должна быть дьявольски умна, нетребовательна и предусмотрительна, чтобы выбрал он тебя. И что делать? А после как с этим жить? Кто ответит?

– А кто побеждает?

– Та олениха, которая сохранила больше всех детей»¹.

Последние две строчки – цитата диалога между Важенкой и Митей. Но решительная современная манипуляторша не заметила, что во время него Важенка ощущает присутствие кого-то «невидимого, может быть, Митиной бабушки»: «Там старый венский стул, вот на нём. Руки на коленях, смотрит в пол. Важенка прислушалась. Тихий вздох, скрипнул стол, вышла»². Призраки прошлого, добрые ангелы Митиной семьи обступают своего осиротевшего отпрыска. И Посвятовская всем ходом сюжета показывает, что энергичная Ира Важина вовсе не из числа берегинь и хранительниц. Она, как волк в той дет-

ской игре, «ловит какого-нибудь пыжика и жрёт»³.

Для Посвятовской принципиально, что эту правду о себе не знала и сама Ира, как не знаем себя до конца и мы в XXI в. Культура и благородство не спасли мир Мити и Лили от вторжения самозванки, но и саму Важенку самозванство привело к катастрофе. Мир без Бога неизбежно ведёт к падению: «оставьте их: они – слепые вожди слепых; а если слепой ведёт слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15:14). Думается, что у Елены Посвятовской получилось написать именно об этом.

Заключение

Портрет блуждающего поколения в «Важенке» очень узнаваем по воспроизведению как бытовых, исторических, так и психологических деталей. И то, что центральным персонажем (деятелем и соглядатаем одновременно) стала здесь наблюдательная витально-живучая не-героиня, только придаёт ему убедительности. Возвращаясь к мысли В. В. Семёновой о самооценке этого поколения как рефлексирующего, но несостоявшегося, можно подкорректировать её реалиями наших дней. Здоровая часть предперестроечного поколения, пройдя ломку распада страны и прежних ценностей, в зрелом возрасте провела работу над ошибками во всех сферах искусства и личного поведения. В нём пусть и не сразу, но осуществились лучшие начала национального духовного кода. Роман Е. Посвятовской «Важенка» – часть этой большой и важной работы по осмыслению опыта блуждания, душевной слепоты, которую чуткий читатель должен провести вместе с автором.

Статья поступила в редакцию 09.08.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барковская Н. В. Поколение «застоя» в книгах Э. Кочергина и В. Любарова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 139–153.

¹ «Важенка. Портрет самозванки». Елена Посвятовская // Яндекс Дзен: [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/YFLhVT62eUFo4c3l> (дата обращения 10.02.2024).

² Там же. С. 293.

³ Там же. С. 293.

2. Безбородова Н. Я., Стюфляева Н. В. Храмы святителя Тихона Задонского за рубежом как метакультурные объекты сакральной географии // Формирование национально-духовной идентичности в современном социокультурном пространстве: материалы XVII Международного форума, Липецк, 10–11 ноября 2021 г. / под ред. Н. Я. Безбородовой, Н. В. Стюфляевой. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского, 2022. С. 27–31.
3. Бычкова В. С. Провинциал vs провинциалка: семантико-прагматический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 9. С. 2851–2859.
4. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: АСТ: Corpus, 2018. 429 с.
5. Ковтун Н. В. Кто они, героини современной прозы: «Баба-богатырка», «Баба с подушкой» или Бизнес-леди? // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 2. С. 108–117. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-108-117
6. Корочкина Д. Елена Посвятовская. Важенка. Портрет самозванки // Звезда. 2021. № 11. С. 280–281.
7. Павловец М. Г. Литература как учебный предмет: от «субъект-субъектного» к антропологическому подходу // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2021. Т. 6. № 4. С. 64–82.
8. Рыбальченко Т. Л. Интерпретация терпения в русской литературе второй половины XX века // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 11. Терпение: художественная интерпретация и творческая практика в русской литературе XX века. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. С. 23–40.
9. Семенов В. В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: НЛО, 2005. С. 80–107.
10. Фесенко Э. Я. К вопросу о специфике женской прозы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 105–111. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-105-111
11. Чурляева Т. Н. Нарративная логика сюжета и фабулы в рассказе Е. И. Замятина «Наводнение» // Национальный стиль русской литературной классики: материалы V Межвузовской с международным участием научно-практической конференции, Москва, 12 апреля 2019 г. / отв. ред. С. А. Васильев. М.: Московский городской педагогический университет, 2020. С. 262–271.
12. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. 2-е изд. М.: НЛО, 2014. 661 с.

REFERENCES

1. Barkovskaya N. V. [The Generation of “Stagnation” in the Books of E. Kochergin and V. Lyubarov]. In: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Series 2: Humanities], 2016, vol. 18, no. 4 (157), pp. 139–153.
2. Bezborodova N. Ya., Styuflyayeva N. V. [Churches of St. Tikhon of Zadonsk Abroad as Metacultural Objects of Sacred Geography]. In: *Formirovanie nacional'no-duhovnoj identichnosti v sovremennom sociokul'turnom prostranstve: materialy XVII Mezhdunarodnogo foruma, Lipeck, 10–11 noyabrya 2021 g.* [Formation of National and Spiritual Identity in the Modern Sociocultural Space: Proceedings of the XVII International Forum, Lipetsk, November 10–11, 2021]. Lipeck, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, 2022, pp. 27–31.
3. Bychkova V. S. [Provincial Man vs Provincial Woman: Semantic and Pragmatic Aspect]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2022, vol. 15, iss. 9, pp. 2851–2859.
4. Vail P., Genis A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The World of the Soviet Man]. Moscow, AST Publ., Corpus Publ., 2018. 429 p.
5. Kovtun N. V. [Who Are They, The Heroines of Modern Prose: “Baba bogatyrka”, “Baba with a Pillow” or Business-Lady?]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 108–117. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-108-117
6. Korochkina D. [Elena Posvyatovskaya. Vazhenka. Portrait of an Imposter]. In: *Zvezda* [Star], 2021, no. 11, pp. 280–281.
7. Pavlovets M. G. [Literature as a School Discipline: From “Subject-Subject” to Anthropological Approach]. In: *Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* [Practices and

- Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Studies], 2021, vol. 6, no. 4, pp. 64–82.
8. Rybalchenko T. L. [Interpretation of Patience in Russian Literature of the Second Half of the Twentieth Century]. In: *Russkaya literatura v XIX veke: imena, problemy, kul'turnyj dialog. Vyp. 11. Terpenie: hudozhestvennaya interpretaciya i tvorcheskaya praktika v russkoj literature XX veka* [Russian Literature in the Twentieth Century: Names, Problems, Cultural Dialogue. Issue 11. Patience: Artistic Interpretation and Creative Practice in Russian Literature of the Twentieth Century]. Tomsk, National Research Tomsk State University Publ., 2021, pp. 23–40.
 9. Semenova V. V. [Modern Concepts and Empirical Approaches to the Concept of “Generation” in Sociology]. In: *Otcy i deti: Pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii* [Fathers and Sons: Generational Analysis of Contemporary Russia]. Moscow, NLO Publ., 2005, pp. 80–107.
 10. Fesenko E. Ya. [On the Specificity of Women’s Prose]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2022, no. 3, pp. 105–111. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-105-111
 11. Churlyayeva T. N. [Narrative logic of the plot and plot in the story of E. I. Zamyatin “Flood”]. In: *Nacional'nyj stil' russkoj literaturnoj klassiki: materialy V Mezhvuzovskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 12 aprelya 2019 g.* [National style of Russian literary classics: materials of the V Interuniversity with international participation scientific and practical conference, Moscow, April 12, 2019]. Moscow, Moscow City Pedagogical University Publ., 2020, pp. 262–271.
 12. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever, until it ended: the last Soviet generation]. Moscow, NLO Publ., 2014. 661 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крылова Снежана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: sv.krylova@guppros.ru; ORCID: 0000-0002-4071-2884

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Snezhana V. Krylova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: sv.krylova@guppros.ru; ORCID: 0000-0002-4071-2884

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Крылова С. В. Портрет блуждающего поколения в романе Елены Посвятовской «Важенка» // Отечественная филология. 2025. № 1. С. 101–109.
DOI: 10.18384/2949-5008-2025-1-101-109

FOR CITATION

Krylova S. V. Portrait of the Wandering Generation in the Novel by Elena Posvyatovskaya “Vazhenka”. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 1, pp. 101–109.
DOI: 10.18384/2949-5008-2025-1-101-109